

Copyright © 2024 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 945-958
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.945

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



Pacifism and War: the Mission of the Mullahs Among the Requisitioned Kazakhs, 1916–1917

Gyulnar K. Mukanova ^{a, *}, Shamek B. Tleubayev ^a, Arailym N. Konkabayeva ^a

^a Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

At the beginning of the twentieth century, the Kazakhs of the Russian Empire identified themselves as Muslims. In official documents, Kazakhs were recorded as “Kyrgyz of the Mohammedan faith”. The specifics of the nomadic society consisted in observing the norms of Sharia law, in the absence of stationary mosque buildings, and the way out of the situation was the presence of mullahs in one (more often – several) villages. That is, one of the sought-after social categories in Kazakh society were mullahs – people who organize five-fold collective prayers, recitation of ayats and surahs of the Koran on various occasions, as well as necessary rituals (weddings, funerals, etc.). The mullahs, characteristically, could participate in military campaigns, inspiring soldiers, calling them to prayer, performing burial rites if necessary. Of course, such activities of the “marching” mullahs rallied the ranks of the militia, set them up for stoic behavior and disciplined their moral foundations. In the face of external challenges, during the period of requisition of foreigners in 1916–1917, the Kazakhs of the Turkestan region were officially sent to the rear work accompanied by mullahs. There were special features in the mobilization of the Kazakhs of the Steppe Region: the intervention of Duma deputies and the Alash intelligentsia was required to direct the mullahs.

Keywords: World War I, Turkestan, Steppe region, requisition, Kazakhs, Mullahs, State Duma, deputies.

1. Введение

В начале XX века пацифистские настроения, особенно в годы Первой мировой войны, среди российских казахов были предпочтительными. Казахи не призывались в действующую армию, будучи освобожденными от таковой миссии как инородцы. Только лишь в соответствии с Указом от 25 июня 1916 года казахи оказались призванными на тыловые работы, и вместе с мобилизованными в прифронтовой полосе находились муллы. Между тем история исполнения казахскими муллами своего духовного долга не была освещена в советской историографии, поскольку атеистическая пропаганда вывела данную социальную категорию из научного оборота. Соответственно, тема остается одним из «белых пятен» историографии, тогда как в моменты напряжения и возможной паники именно муллы разряжали накал эмоций проповедями и разъяснениями. Вопреки опасениям российской военной верхушки, проповедей «джихада» среди казахских «тыловиков» не было замечено. Миссия мулл была пацифистской: как владевшие грамотой, они писали письма родным реквизируемых казахов и передавали информацию в редакцию казахской газеты («Казак»), выполняли обряды захоронения при необходимости. Исследование темы немаловажно для реконструкции и сравнительного анализа поликультурного состава служителей ислама в изучаемых локациях. Так, по этнической принадлежности «фронтовые» муллы из Степного края преимущественно были казахами. По месту призыва этнический состав мулл в Семиреченской

* Corresponding author

E-mail addresses: gulnar_mukanova@mail.ru (G.K. Mukanova),
Shamek_09@mail.ru (Sh.B. Tleubayev), konkabayeva.arailym@mail.ru (A.N. Konkabayeva)

области Туркестанского края был более разнообразен: большая часть – казахи, в меньшей степени – татары (ногаи), еще реже – из кавказских народностей (азербайджанцы и др.).

Собственно «муллы» в прифронтовой полосе являются объектом исследования, поскольку именно они создали прецедент своеобразного самоуправления в нетипичных для казахов условиях прифронтовой полосы. Иными словами, через призму восприятия мулл возможно реконструировать взаимоотношения повседневности в прифронтовой полосе. «Фронтовые» муллы в годы реквизиции (1916–1917) условно подразделялись на несколько категорий: а) официально назначенные администрацией Туркестанского края при формировании и отправке эшелонов; в) выбранные на месте дислокации (по месту прибытия на фронт) из состава реквизируемых казахов (данная категория сотрудничала с редакцией газеты «Казах» и постепенно стала разделять взгляды Алаш); с) муллы, находившиеся по месту жительства казахских джигитов и выполнявшие функции их проводов, а затем также информирования через газету «Казак» их родных о состоянии реквизируемых, их местонахождении и проч. Последняя категория мулл была подвержена штрафам и административным арестам.

Наконец, представляет интерес такая социальная миссия казахских мулл, как информативная, когда часть «фронтовых» мулл тесно сотрудничала с общественностью посредством газеты «Казак», сообщая в редакцию о поиске родными тех или иных казахов, отставших в пути от поездов, заболевших и госпитализированных либо погибших в результате несчастных случаев. Таковая миссия мулл оказывала существенную помощь в нормализации контактов с попавшими на тыловые работы казахами, систематизации сведений об их питании, условиях работы и т.п. То есть эмпатия казахских мулл распространялась на коммуникации со светскими средствами массовой информации, что само по себе факт любопытный и многозначный. Никогда до и после 1916–1917 гг. казахские муллы в таком объеме не контактировали со светской прессой. Для сравнения: исторических аналогов практики сотрудничества духовных лиц мусульманского вероисповедания (мулл, имамов, шейхов) к примеру Османской империи (Турции) со светской прессой во время Первой мировой войны не зафиксировано.

2. Материалы и методы

2.1 Материалами для исследования послужили собственно документы императивного и отчетного характера, инициированные Генштабом (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4544/1-5) и военными штабами Северного и других фронтов (РГВИА. Ф. 2031. Оп. 3. Д. 35), военно-колонииальной администрацией Туркестанского и Степного краев империи (РГВИА. Ф. 1720. Оп. 5. Д. 72; Ф. 400. Оп. 1. Д. 4546/1-9; Ф. 400. Оп. 1. Д. 4295; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1916 г. Д. 1. Ч. 9; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1916 г. Д. 108. Ч. 1; Ф. 102. Оп. 1916 г. Д. 130; Ч. 2), донесения консулов (РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2.2 доп. Т. 2. Д. 2426) и материалы заседаний Государственной Думы о причинах волнений в Туркестане и Степном крае (РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 206; РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 268, 278, 283, 1234). Для характеристики общего внешнеполитического фона начала XX века и событий 1916 года в Туркестане использованы источники аналитического характера (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1258). Для реконструкции механизмов реквизиций инородцев Степного края и доставки рабочих партий на фронт привлечены материалы региональных архивов (ГИАОО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 118; Ф. 272. Оп. 2. Д. 77; Ф. 366. Оп. 1. Д. 413 и др.). Вопросы цензуры в сфере инородческой печати в годы войны и деятельности Земгора (Комитет Всероссийских земского и городского союзов – созданная в 1915 году на базе земств и городских дум структура по распределению госзаказов на нужды обороны) раскрыты через призму материалов РГИА (Ф. 776. Оп. 21. Д. 73). Источники из фондов белорусского (НИАБ. Ф. 700. Минский губернский комитет ВЗС; Оп. 1. Д. 107, 135, 282-319), азербайджанского (ГААР. Ф. 3172. Оп. 1. Д. 6), казахстанского (АП РК. Ф. 811. Оп. 20. Д. 752 и др.) и узбекского (НА РУз. Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 1021 и др.) архивов привлечены для иллюстрации региональной специфики реквизиционной кампании. В качестве информационных материалов изучен контент дореволюционных периодических изданий: (Известия Комитета..., 1917) и газет «В мире мусульманства» за 1911 г., «Казак» за 1916–1918 гг. и др.

2.2. Методологическую основу исследования составили принципы диалектической логики, анализа и синтеза, объективности и историзма, а также системный подход. Их применение на основе комплексного и всестороннего анализа архивных и опубликованных источников, историографии позволило выявить предметные связи вокруг объекта изучения, установить причинно-следственные связи и тенденции в поведении мулл на момент кризиса казахского социума на фоне острой социально-политической обстановки в годы Первой мировой войны. Применение методов верификации источников и критического анализа их контента, хронологического, историко-системного, а также сравнительно-исторического обусловлено как спецификой социальной атмосферы в Туркестане и Степном крае, так и особенностями происхождения источников и их авторства.

3. Обсуждение

Как выше отмечалось, оригинальных исследований, которые бы касались обозначенной темы, не имеется. Тем не менее в порядке обзора исследований, которые освещают историческую ситуацию вокруг реквизиции 1916 года в Туркестанском и Степном краях, отношения казахов к мобилизации и роли казахской интеллигенции, мы кратко остановимся на наиболее интересных тенденциях, трудах

зарубежных экспертов и различных оценках довольно сложной ситуации, связанной с событиями 1916 года и реквизицией казахов-инородцев.

Один из исследователей российского Туркестана, публикации которого во многом основаны на личных наблюдениях и доступных ему архивах, был выпускником отделения восточных языков Азиатского департамента МИД России. Это М.А. Терентьев. Он выделял особенность позиции колониальной администрации по отношению к исламу, когда, в частности, писал: «Устроитель» Туркестанского края К.П. фон Кауфман (1867–1882 гг.) ввел политику «игнорирования» ислама и отклонил все попытки организовать прочные мусульманские учреждения» (Терентьев, 1906: 271). Замысел губернатора заключался в постепенном отмирании без поддержки администрации, медресе и мектебов с естественной заменой их русско-туземными школами. Между тем, даже придерживаясь обозначенной выше практики, власти края не смогли умалить роли мусульманских институтов. Не будучи официально прикреплены к Духовным собраниям, казахи тем не менее придерживались обязательных обрядов ислама в случаях рождения ребенка, заключения брака и кончины сородичей (Раздыкова, 2007: 26-28). Соответственно, рядовые служители культа, аульные муллы, пользовались определенным авторитетом в обществе. Зачастую муллы, знавшие русский язык, выполняли коммуникационную роль в отношениях с волостной и уездной администрацией.

Тема присутствия служителей ислама в рядах казахов-тыловиков в годы Первой мировой войны долгое время не была предметом научного дискурса. Причины явления следует искать в атеистической пропаганде как инструменте советской идеологии. Предметом научного обсуждения в советский период не могли быть биографии и деятельность отдельных мусульманских миссионеров ни в мирное время, ни в годы мобилизации на тыловые работы в годы Первой мировой войны. Соответственно, о фактах использования авторитета мулл в период мобилизации в Туркестанском крае, об их роли в свертке данных о наборе в разных областях, а также их письменных информациях с мест дислокации тыловиков упоминать было не принято. Лишь отдельные факты могли мельком сообщаться в общем контексте проблемы изучения истории восстания 1916 года в Казахстане и Средней Азии в период «оттепели» (Ковалев, 1957).

Характерно, что к 10-летию и 15-летию событий 1916 года в Казахстане были сделаны доклады и изданы пропагандистского характера книги, в которых волнения казахов и киргизов подавались как проявление классовой борьбы (Некрасов-Клиодт, 1926). Некрасов-Клиодт утверждал: «около трех лет «выборные» (депутаты. – Авт.) старались использовать темноту и невежество киргизского народа, его национальные чувства в контрреволюционных целях, втягивая в организацию вроде Алаш-Орда» (Некрасов-Клиодт, 1926: 74). Им приводился следующий факт: «в пограничных уездах Зайсанском, Лепсинском и Бухтарминском крае начался массовый переход целыми аулами со всем имуществом и скотом за границу, в Монголию» (Некрасов-Клиодт, 1926: 66). Характерно, что в отношении участников событий 1916 года авторы 1920-х гг. использовали термин «реквизиция», но не «мобилизация». О роли мулл в той кампании и на тыловых работах в первые десятилетия советской власти не упоминалось. Любопытный штрих эпохи: в редакцию Общества изучения Казахстана, издавшего брошюру Некрасова-Клиодта, еще входили амнистированные советской властью экз-члены Алаш М. Есполов и Х. Досмухамедов, свидетели реквизиции и члены инспекционных миссий.

Любопытно, что в межвоенный период зародился пласт спецлитературы, в основном публикации военных инженеров (Васильев, 1939), представляющие собой критический анализ исторического опыта царской армии в Первой мировой войне. В специзданиях можно выявить детали обустройства инородцев в тылу армии. Так, И. Трутко критически изложил исторические аспекты подготовки тыла Юго-Западного фронта царской армии в годы Первой мировой (Трутко, 1939). Трутко пришел к выводу, что условия подвоза продовольствия не были продуманы, допускались серьезные недостатки в работе управления тылом (бюрократическая переписка и замедленный механизм принятия решений). Нарезка тыловых районов, произведенная с большим опозданием, имела огромные недочеты, не были намечены военно-полевые сообщения, что затрудняло работу ветеринарной и санитарной служб (Трутко, 1939: 109-110).

С отделением церкви от государства о служителях ислама в официальных советских изданиях сообщалось преимущественно в негативном ключе. С распадом Союза и концептуальным обновлением общественных наук стало возможным исследовать реальную картину, когда служители мусульманской церкви, как и православные священники, были задействованы в ходе реквизиции и тыловых работ.

Публикации зарубежных исследователей восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане, увидевшие свет во второй половине XX века (Sokol, 1954; Pierce, 1960), оценили само событие как следствие колониальной имперской практики, однако темы казахских (и не только) мулл в мобилизации тыловых рабочих не коснулись. Методы, которыми была осуществлена реквизиция инородцев в Казахстане и Средней Азии в 1916–1917 годах, считает D. Brower, были «результатом разработанных за многие годы до этого идей и концепций макростратегии политики населения и микротактики репрессий (карательных отрядов), призванных наилучшим образом обеспечить достижение ее целей» (Brower, 1996: 43). Из зарубежных исследователей можно выделить

П. Холквиста (1999). Его публикация посвящена теме мобилизаций в рамках обозначенного хронологического периода и настроениям граждан империи (Холквист, 1999).

Современные зарубежные издания по истории Первой мировой войны делают акцент на таком политическом явлении, как джихад, или священной войне против иноверцев. Профессор Лейденского университета (Нидерланды) E.-J. Zürcher (2016) пишет: «вступление Османской империи в Первую мировую войну также сопровождалось громким провозглашением джихада». Джихад, объявленный Османской империей, потенциально должен был оказать влияние на настроения правоверных за пределами халифата. Несомненно, сведения о «джихаде» в годы Первой мировой войны вызвали соответствующий резонанс в российской прессе и присутствуют в переписке военной администрации Туркестанского края, о чем указывается в разделе «Материалы» и «Результаты».

На постсоветском пространстве наметились тенденции вернуться к деталям мобилизации 1916 года тыловиков-инородцев. Экономические аспекты использования на тыловых работах труда народов империи, освобожденных от отбывания воинской повинности, изучал Н. Подпрятков (Подпрятков, 2013). В контексте темы нельзя обойти вниманием тематические публикации о православных сваященниках на фронтах Первой мировой войны. Данные публикации приурочены к столетней годовщине ее начала (Леонтьева, 2014). Это оставляет простор для изучения роли других конфессий в обозначенный хронологический период, оказавшийся значимым для всех народов империи. Публикация Шерстюкова освещает дискурс о джихаде как инструменте идеологической борьбы в годы Первой мировой войны. Автор приходит к выводу, что «на практике джихадизм не имел места среди инородцев-тыловиков» (Шерстюков, 2015: 207-215).

Отдельные исследования позиций татарской конфессии в годы Первой мировой войны были сделаны Гатауллиной (Гатаулина, 2008: 133-139). Исследователи А. Хабутдинов и М. Имашева справедливо полагают, что в начале XX века «...никаких реальных шагов на пути расширения прав и российских мусульман и создания религиозной автономии, российское правительство не предприняло» (Хабутдинов, Имашева, 2020: 972).

В современных публикациях в Казахстане о Первой мировой войне не встречается анализ данных о категории мулл и их роли на фронте (Жусип, Маслов, 2021:104-116), в связи с чем изучение проблемных вопросов остается открытым.

4. Результаты

В деле информирования сородичей казахов-инородцев в ходе реквизиции 1916 года и на тыловых работах муллы сыграли исключительную роль при поддержке национальной интеллигенции. Последняя в лице редакции первой казахской газеты «Қазақ» привлекла грамотных «походных» мулл для информирования общественности о положении реквизируемых отцов, братьев, сыновей. Этот аспект разворачивает изнутри картину пребывания в прифронтовой полосе казахов, когда им было не до «джихада», напротив, перед ними стояла задача адаптироваться и отработать положенный срок. Общая атмосфера в Туркестане, сложная геополитическая обстановка накануне войны диктовала иные установки. Вопрос о панисламизме и борьбе с его возможным влиянием вменялся в задачи ответственности внешнеполитического ведомства империи (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1258. Панисламизм 1911–1917 гг.). Департаменты полиции Туркестанского края с третьей четверти XIX столетия до начала XX века отслеживали настроения мусульман, что было предопределено трендами внешней политики, в частности, русско-турецкими отношениями. На местах усердно выполняли установку на выявление носителей идеи панисламизма, о чем шла оживленная переписка департамента полиции Туркестанского края (НА РУз. Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 1021. Л. 4-6; ГА ЮКО. Ф. 1129. Оп. 2. Д. 1. Л. 1-4). Для наблюдения за муллами использовались агентурные сведения (НА РУз. Ф. И.461. Оп. 1. Д. 1388а. Л. 1-69. О выяснении политической неблагонадежности муллы г. Верного Ильяса Изнабакиева, враждебно настроенного против русских властей 24 марта 1913 г. – 24 февраля 1914 г.).

Панисламизм вовсе не входил в программы политической деятельности российских депутатов-мусульман. Как инородцы в 1907 году согласно «Закону о выборах в Государственную Думу» казахи были лишены права выбора депутатов, как и ряд народов Сибири, Средней Азии (Выборы..., 2008: 99). Авторитетными деятелями, экс-депутатами Думы в тот период обсуждалась совместная позиция по отсутствию у казахов муфтията, в частности, в переписке А.М. Топчибашева с С.-Г. Джантюриным в апреле 1908 г. (ГААР. Ф. 3172. Оп. 1 Д. 6. Л. 10–110б.). Об этой же ситуации прозорливо писал в Петербургской газете «В мире мусульманства» в 1911 году казахский политический деятель Букейханов: «...одни мусульманские народности призваны к отбыванию воинской повинности при самых ненормальных условиях, другие вместо отбывания натурой, обязаны известным денежным налогом, третьи (Туркестанский край и мусульмане областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Закаспийской) вовсе находятся в забвении» (Алихан, 1911: 6).

Ситуация казалась достаточно напряженной, правительство видело в муллах ту прослойку, которая гипотетически могла использовать недовольство прихожан и спровоцировать острые моменты. Деятельность полиции Туркестанского края в отношении «неблагонадежных» мулл обрела конкретные очертания к осени 1916 года. Отдельные муллы даже находились «в разработке» за

подстрекательство против набора местного населения на окопные работы (НА РУз. Ф. И. 461. Оп. 1. Д. 2019. Л. 1-48). Волнения ожидалось, так как в октябре, после поездки Куропаткина в Семиречье, был утвержден «календарный план» отправки эшелонов тыловиков из Семиреченской области. Так, 20 октября 1916 года Семиреченскому губернатору вменялось отправить в течение ноября-декабря 1916 года не менее 10 тыс. рабочих-тыловиков в направлении на г. Черняев и Семипалатинск, а остальные партии готовить к отправке в феврале-марте 1917 года. В начале декабря 1916 года минимальный план первых трех месяцев (18 сентября – 18 декабря) приближался к выполнению (Ковалев, 1957: 63). И опасения Букейханова оправдались: отсутствие официальной «приписки» казахских верующих к духовному собранию стало одной из реальных причин волнений 1916 года. У казахов не было метрик о рождении, что привело к составлению списков по реквизированным согласно устным опросам. Ложные или неточные сведения привели к нарушению возрастного ценза мобилизуемых, когда встречались реквизированные 17-летние и даже 50-летние. Этот весомый фактор социальных волнений в Туркестанском и Степном краях империи (как следствие отсутствия муфтията) озвучили лидеры партии Алаш.

Соответственно, в летне-осенние месяцы 1916 года в военном ведомстве России шла оживленная переписка о перевозке к месту службы «и довольствии новобранцев нерусских народностей, следующих из Иркутского и Омского военных округов и Туркестанского края» (РГВИА. Ф. 1720. Ф. 224 Оп. 5. Д. 72. Л. 1-219). Близость границ со среднеазиатскими владениями могла усилить взрывоопасность ситуации, в связи с чем заслушивались рапорты о «волнениях среди туземного населения Туркестанского края, возникших на почве реквизиции согласно высочайшего повеления 25 июня 1916 г. и о настроении, в связи с этим, населения среднеазиатских ханств» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4546/1-9. Л. 1-471). Власти отдавали себе отчет в том, что волнения могут перекинуться на соседний Кульджинский край в Синьцзяне. В этой связи внимательно изучались донесения русского консула в Кульдже, Илийском крае о ходе набора солдат-тыловиков из числа казахов, калмыков и народности сибо (РГВИА Ф. 1396. Оп. 2. 2 доп., Т. 2. Д. 2426. Л. 1-36). Параллельно с этим правительство запрашивало отчеты по Степному генерал-губернаторству (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1916 г. Д. 130. Ч. 2. Т. 2. Л. 1-265). В данных отчетах сообщалось «о беспорядках среди инородцев на почве призыва их на военные работы» за осенне-зимние месяцы 1916 года. Мониторинг настроений населения Акмолинской области осуществлялся начиная с февраля 1916 г. в течение года (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1916 г. Д. 108. Ч. 1. Л. 1-33). По Туркестанскому генерал-губернаторству отчеты о настроениях инородцев после объявления реквизиции поступили уже в июле 1916 г. (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1916 г. Д. 130. Ч. 1. Л. 1-2360б.).

Начавшиеся в 1916 году волнения, погромы в Казахстане и Средней Азии были спровоцированы общей дезинформированностью, страхом погибнуть, паникой перед длительной отлучкой из аулов и проч. В ситуации кризиса муллы исполнили социальную роль духовных руководителей, при необходимости, «исповедников» (хотя в исламе нет такой функции). Ведь в прифронтовой полосе, вдали от отчих мест, находясь в стесненных пространствах казарм, степняки мысленно обращались к высшим силам, молясь о благополучном исходе за себя и близких. Муллы должны были сопровождать «тыловиков», как это происходило с православными солдатами, при которых непременно находился священнослужитель (Леонтьева, 2014: 104-119). Из Туркестанского и Степного краев в сторону фронта реквизированных доставляли по железной дороге. Учитывая расстояния от Ташкента, Пржевальска и Верного до ближайших станций (г. Черняев, Оренбург, Омск, Семипалатинск), воинские эшелоны формировались вновь, по мере их возвращения. На станциях эшелоны подолгу могли выстаивать в ожидании отправки. Состав эшелонов варьировался: в среднем их наполняемость составляла от 200 до 500 человек (ГИАОО. Ф. 272. Оп.2. Д. 77. Л. 151, 164, 242). Эшелоны по пути могли простаивать с учетом поломок и возможных авиа- и артобстрелов со стороны противника. К тому же с лета-осени 1916 года железнодорожное полотно в Семиреченской области было значительно повреждено участниками волнений (Васильев, 1939: 87).

Как удалось выяснить, на практике «реквизиция» мулл происходила специфически в разных областях. В Туркестанском генерал-губернаторстве она шла в штатном режиме, когда вместе с мобилизованными инородцами в эшелонах в сторону фронта отправили мулл. Во главе эшелона тыловиков ставилась специальная администрация в составе трех человек: тысяцкого (мингбаши), имама (мулла) и письменного переводчика. Эта «тройка» утверждалась уездным и областным начальством. Согласно инструкциям Генерального штаба, помимо «тройки», еще 10 сотских (командир сотни. – Авт.), 10 устных переводчиков и 10 поваров также получали повышенный суточный оклад в два рубля (Ковалев, 1957: 58). Данную практику подтверждает Н. Подпрятков, изучавший экономические мотивы комплектования инородческих партий. Он пишет: «...сами (инородческие) партии нередко были многонациональными, но отряды и особенно сотни стремились комплектовать и сохранять моноэтничными, – таким образом было проще обеспечить сотни управленческими кадрами, переводчиками и служителями культа» (Подпрятков, 2013: 164). В Степном же крае выборность мулл произошла как бы вслед, вдогонку, после жалоб и обращений (Котюкова, 2008: 49). Потребовалось вмешательство корпуса экс-депутатов от казахов, которые,

будучи ограниченными в полномочиях, действовали через своих коллег – депутатов-мусульман от Кавказа и Поволжья (Хабутдинов, Имашева, 2020: 970).

Численность казахских «фронтных» мулл нигде не фиксировалась. Их приблизительное количество приведено в таблице, сведения получены путем сравнительного анализа источников.

Таблица 1. Анализ количества казахских мулл при инородческих рабочих партиях из Туркестанского и Степного краев (Западный и Северный фронты), 1916–1917 гг.*

Регионы реквизиции	Расчетный модуль (по распоряжениям А. Куропаткина)	Плановое количество реквизируемых казахов	Количество официальных и выборных «фронтных» мулл
Степной край (Акмолинская и Семипалатинская области), Туркестанский край (Семиреченская и Сырдарьинская области)	1 имам на 1 эшелон (200-500 реквизируемых инородцев). (термин «эшелон» в применении к железнодорожным перевозкам в начале XX века обозначал отдельный воинский поезд с перевозимым им формированием, не менее 1 вагона.	План реквизиции казахов из Степного и Туркестанского края – 500 тысяч чел. В том числе: 1. Степной край? 2. Туркестанский край – 60 000 чел. (у Ковалева – 200 470), в том числе 10 000 чел. - за ноябрь-декабрь 1916 г./ Верненский уезд – 9688 чел. (Ковалев, 32).	1. Не менее 1000 имамов/мулл*. 2. Мулл «выборных» на каждую инородческую партию – около 150-200. 3. В том числе мулл-корреспондентов газеты «Қазақ» – не менее 17-20 (персоналии установлены).

* Вычислено нами по содержанию источников: Ковалев, 1957: 32-33, 88; Энциклопедический..., 1890; Восстание..., 1960: 25-26; Жусип, Маслов, 2021: 108 и др.

** Гипотетически, т.к. план набора не был выполнен полностью.

Обстановка, с которой производилась реквизиция казахов, приводила к неточностям в отчетности. К примеру, инспекция Еникеева была инициирована Куропаткиным для разбора жалоб на условия жизни и работы инородцев в прифронтной полосе. Этнический состав реквизируемых из Семиреченской и Сырдарьинской областей Еникеев указал так, как было принято в официальной переписке, то есть по месту жительства (призыва): «ошцы», то есть прибывшие из г. Ош, «ташкентцы» – из Ташкента, «черняевцы» – речь шла о казахах, кочевавших в окрестностях г. Черняев (см. Ковалев, 1957: 102).

Передовая казахская общественность для защиты интересов мобилизованных на тыловые работы земляков использовала цивилизованные методы. Поскольку «инородцы», как выше было отмечено, были лишены права избираться в Думу законом 3 июня 1907 г. (Котюкова, 2011: 29), экс-депутаты первых Дум использовали связи с действующими депутатами и через них выдвинули пакет предложений, принятие которого могло в какой-то мере уравнивать положение тыловых рабочих-инородцев с солдатами. В этом проявил активность депутат Кутлуг-Мухаммед Тевкелев, хорошо знавший А. Букейханова (Хабутдинов, 2001: 278). От Туркестанского края мнение инородцев представляли: от киргизов – генерал-майор С. Еникеев, от Ташкента – С. Мурджалилов, от Сыр-Дарьинской области – С. Лапин и А. Букейханов (Котюкова, 2011: 33). Свой голос за мусульман края при голосовании согласились отдать представители крымских татар – Мустафа Давидович, азербайджанцев – Али-Мардан Топчибашев (Хабутдинов, Имашева, 2020: 976-977).

Положение мобилизованных казахов, киргизов и других мусульман было поводом к тому, что их представителями был разработан ряд конструктивных предложений, суть которых заключалась в относительном уравнивании прав «инородцев» с остальными гражданами империи. Так, в Думе депутат Джафаров на заседании 13 декабря 1916 года огласил выдержки из писем тыловиков, в которых говорилось о жутких условиях труда и быта, избиваниях рабочих нагайками и даже розгами (Ковалев, 1957: 112). Также 15 декабря 1916 года на 5 сессии заседаний Госдумы рассматривался вопрос «О волнениях в Туркестане в связи с мобилизацией местного населения на оборонные работы» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 268, 278, 283. Сессия V. Заседания 3, 13, 17). Рассматривались многочисленные прошения, телеграммы, докладные записки «от киргизов, калмыков, китайцев и др. нерусских народов, населявших Россию», поступающие с лета 1916 года в адрес председателя Думы.

В них содержались просьбы об отсрочке мобилизации на оборонные тыловые работы «до окончания полевых работ» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1234. Л. 1-118). Сам факт, что вопрос о «походных» муллах был поднят на высоту Думы, можно расценить как акт большой политической значимости. За запросами депутатов мусульманской фракции Думы (в том числе после обращения к ним экс-депутата от Семипалатинской области Степного края Алихана Букейханова) провести инспекции в тылу российской армии и выяснить реальное положение тыловиков-мусульман (казахов, кыргызов, узбеков и др.) проступало требование равноправия всех народов империи.

Передовая казахская интеллигенция Алаш не стояла в стороне от мероприятий, связанных с призывом на тыловые работы соотечественников. Имевшие медицинское образование как, например, уроженец Семиреченской области Жакыпбаев Нусипбек (1890–1932), в 1916 году с отличием окончивший медицинский факультет Киевского университета, работали в составе областных комиссий в медпунктах, на медосмотрах реквизированных на тыловые работы, для отправки на фронт (*Жетысу энциклопедия, 2004: 29*). Был организован единственно возможный коммуникационный канал с тыловиками через периодическую печать. Беспрецедентно расширилась география распространения газеты «Қазақ». Ее отправляли на адреса полевой почты, в тыл русской армии. Ее читали на родном языке, через нее отправляли сообщения в редакцию, чтобы родные знали, где находятся их отцы, братья, мужья. В годы Первой мировой войны были прецеденты введения цензуры в плане пресечения панических настроений и всевозможных измышлений. Так, канцелярия Степного генерал-губернатора обратилась к населению Акмолинской и Семипалатинской областей с объявлением «о запрещении ложных слухов о военных неудачах» (ГИАОО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 118. Л. 165). В 1916 году были взяты под наблюдение периодические издания на русском и казахском языках, среди них петропавловская русскоязычная газета «Степная речь», ташкентская газета «Алаш» на казахском языке (РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Д. 73. Л. 1-2) и др. Редакция газеты «Қазақ» вынуждена была фильтровать поступающую информацию, но и эзоповым языком доносилось до читателей необходимое знание.

Большинство мулл Степного края были выпускниками джадидских (т.е. светских) медресе. В силу совместного проживания со славянским населением они понимали разговорный русский язык. Соответственно, муллы в условиях фронта стали служить своего рода проводниками (переводчиками и толкователями распоряжений) между войсковой администрацией и «тыловиками». Кроме того, муллам приходилось решать разные спорные вопросы, могшие возникать спонтанно в среде людей, измученных неизвестностью и обстановкой ограничения пространства и иного образа жизни. По собственной инициативе муллы вели мониторинг количества тыловиков, чтобы кто-либо не потерялся во время движения эшелонов и не отстал от поезда, составляли списки и могли иметь доступ к достоверным статистическим сведениям. Для правоверных мусульман имело значение, чтобы питание соответствовало нормам шариата (без свинины), и муллы доводили эту просьбу до организаторов быта. Были случаи, как выяснила инспекция Еникеева, когда тыловикам-мусульманам готовили пищу на кухне, где производилась одновременно еда для славянских солдат, и это вызывало недовольство (*Ковалев, 1957: 100-102*).

На страницах газеты «Қазақ» сведения о «походных» муллах регулярно печатались именно в период с осени 1916 по весну 1917 года. Сообщалось, к примеру, что казахи-тыловики в районе Крейцбурга Витебской губернии сами выбрали ответственных за кухню (аспазшы), переводчика (тилмаш), сотника (жузбасы), забойщика скота (мал союшы) и даже сапожников (етикшилер) в количестве 15 человек на тысячу (*Қазақ, 1917. № 221. 9 марта*). Информационным «мостом» с родными таким образом служила редакция газеты «Қазақ», куда поступали вести из первых уст, с мест дислокации тыловиков. Редакция имела преимущество в плане владения достоверной информацией об условиях содержания казахов в прифронтовых зонах, что в дальнейшем послужило поводом к обращению в Думу. Газета была практически единственным печатным органом, который заполнил информационную нишу. К тому же лидеры Алаш, просчитав плюсы и минусы реквизиционной кампании, рекомендовали своим читателям соглашаться с распоряжениями администрации. Издание «Қазақ», печатавшееся в Оренбурге арабской гарнитурой на казахском языке, отличалось пацифистской направленностью. Реквизированные вначале утрачивали связь с родными, не зная русского языка (даже терялись по ходу движения поездов, некоторые погибали под колесами по неосторожности), о некоторых из этих ситуаций известно благодаря газете «Қазақ». Из содержания номеров газеты «Қазақ» удалось реконструировать детали сложного процесса реквизиции казахов на тыловые работы и большой организационной работы, проводимой казахской учащейся молодежью джадидских учебных заведений и «походными» муллами.

Так, в «Қазақ» за 1917 год в №214 от 20 января напечатана серия информации о «походных» муллах, находившихся вместе с тыловиками в разных концах империи. Заметка «Жұмысшылар жайынан» (О положении рабочих) информировала о Темирских джигитах (Темир – место призыва в Актюбинской области). Они в количестве 157 человек работали в Казани. 107 человек из них отправили на городской вещевой склад раскладывать обмундирование для отправки на фронт воюющим солдатам. Параллельно с этим они гребли снег. Рабочий день длился с 8 утра до 6 вечера. Прибывшие из соседнего г. Саратова 10 казахов также работали на вещевом складе. Были выбраны из

их числа «елубасы» (командир полусотен). Повар также был выбран самими реквизированными. К сожалению, вследствие отсутствия метрик и неточных списков среди тыловиков обнаружили и 16-летние, и 44-летние, заключал автор заметки Мукуш Поштаев (Қазак. 1917. №214 от 20 января). Поштаев – дипломированный врач, выезжавший с инспекцией в Казань по поручению редакции.

Благодаря газете «Қазак» нетрудно восстановить места призыва казахов и собственно географию тыловых работ. Так, в заметке «Павлодар (Кереку) жігіттері» речь идет о казахах, призванных в Павлодаре в действующую армию в составе «124-ой реквизированной инородческой партии». Автором данной информации был «мулла партии павлодарских жигитов Баймухамед Габдулин» (Қазак. 1917. № 214 от 20 января). Работы павлодарцев в Дубне заключались в подготовке окопов вокруг стекольного завода с 7 часов утра до 3 пополудни. Указанная инородческая партия выписала газеты, мулла Б. Габдулин пишет о желании приобрести еще книги, на что из жалованья собрано 20 рублей (Қазак. 1917. № 214 от 20 января). В другой заметке, подписанной Жуматом Шаниным, сообщалось, что призванные в г. Омск казахские джигиты из Омска, Кургана, Теке (Уральск), Алаботы, Кызылгака доставлены на Северный фронт. Здесь они в составе «3-ей и 4-ой реквизированной инородческой партии» заняты на рытье окопов. Ощутима дороговизна продуктов питания, многие болели. Работать приходилось в масках, заложив уши ватой (Қазак. 1917. №214 от 20 января). Мулла Осман Жандаулетов находился в г. Риге вместе с призванными из г. Кустанай казахами-тыловиками. Рядом с ними работали 200 узбеков и таджиков (сарт), представители кавказских народностей, всего 800 человек. Рабочий день – с 7 утра до 6 вечера. Тысячником (командир тысячи) был казах Нурыш Алибаев. В сообщении указан адрес: Действующая армия, бетонный завод, 3-я инородческая рабочая партия, 5-я сотня (Қазак. 1917. № 214 от 20 января). На указанные адреса тыловикам направлялись посылки с вяленным мясом, домашней выпечкой, теплой одеждой. Буквально с осени 1916 по весну 1918 гг. до закрытия газеты редакция регулярно информировала подписчиков о положении реквизированных.

В декабре 1916 года под Минском 16-ю дружину 120-й партии, в составе которой находились 1200 казахов, посетили Алихан Букейханов, учитель Мырзагазы Есполов, студенты московских вузов Тел Жаманмурынов, Муса Сейдалин, Хасен Бекентаев, сообщалось в газете (Қазак. 1917. №214 от 20 января). О призванных казахах-тыловиках из Семиречья говорится в заметке «Жалайыр жігіттері», что они отправлены через станцию Оренбург в г. Пенза во главе с тысячником Мырзаханом Толебаевым (Қазак. 1917. №214 от 20 января). В заметке «Шымкент жігіттері» говорится о тыловиках из Шымкента в количестве 1074 человек, направленных на прифронтовую полосу через станцию Омск. Тысячник – Жандарбек Тазабеков. Часть тыловиков из Шымкента в количестве 50 человек работали на станции Ишим Тобольской губернии. Автор заметки – Мадияр (псевдоним Миржакыпа Дулатова) (Қазак. 1917. №214 от 20 января). В районе Пскова в окрестностях станции Порхов на распилке дров работали казахи-тыловики из г. Уральск (Теке) в количестве 211 человек. В качестве «уполномоченных» данной партии в заметке указаны: Есмухамедов, Калжанов и Хасан Илкеев. Один из них был муллой партии (Қазак. 1917. №214 от 20 января).

Коллективные пятикратные намазы не были нормой для казахов, во всяком случае, о них не сообщается ни в одной корреспонденции из инородческих партий действующей имперской армии. Муллы в казахских партиях реквизированных инородцев выполняли миссию духовников при затяжной болезни либо скоропостижной кончине земляков. Так, в г. Сызрань работала партия казахов из Иргиза, реквизированных из пяти волостей Иргизского уезда: Карасай, Шенгел, Кабырга, Ордаконган и Темирастау. Сообщалось, что из-за заболевших тифом и оспой нескольких человек партия находится на карантине (Қазак. 1917. №214 от 20 января).

Как негласный координатор, газета взяла на себя еще и функцию размещать объявления о розыске пропавших без вести тыловиков, что было неудивительно в период общей неразберихи. Для этой цели привлекались волонтеры из числа учащейся молодежи. Так, направленные в район г. Саратов в октябре 1916 года 534 джигита из Алшынского уезда Соналинской волости были задействованы на рытье окопов. В связи с тем, что долго не было вестей от сопровождавшего еще 200 джигитов Конбаева, редакция обратилась к казахским студентам г. Саратов оказать содействие в его поисках (Қазак. 1917. №214 от 20 января). Поиск был объявлен и по тыловику Есмырзе Ержанову, подпавшему под реквизицию в Кустанайском уезде Дамбарской волости и направленному 22 ноября 1916 года на работы. Однако Ержанов заболел в пути и был госпитализирован в г. Екатеринбург. Его разыскивал родственник Досмурза Нурпеисов, учащийся медресе «Расулия» в г. Троицк (Қазак. 1917. №214 от 20 января).

Как выяснилось, ситуацией пользовались нечистые на руки лица, которые брали деньги за сопровождение тех, кто, отбыв срок на тыловых работах, возвращался домой. Однако, взяв сумму, мошенник исчезал либо, как в случае с 33 джигитами, работавшими в районе Северной железной дороги, не знавшими русского языка, переводчик Гумыр Тлемисов обманым путем увез их на Мурманскую железную дорогу, где определил (продал?) на другие работы. Об этом факте рассказал А. Букейханову сумевший сбежать из рабства Темиргали Тлеубаев (Қазак. 1917. №214 от 20 января).

География маршрутов тыловых рабочих-инородцев широка. В рапорте царю в феврале 1917 года А. Куропаткин изложил предварительные итоги мобилизационной кампании и

отправления эшелонов тыловиков. «По 1 февраля, – докладывал генерал-губернатор, – отправлено уже 110 тысяч, из них 4163 человека проследовали через Семипалатинск на Омск, 4373 человека – по Среднеазиатской железной дороге на Красноводск и далее, остальные – по Ташкентской железной дороге на Оренбург (Ковалев, 1957: 79).

Публикации в «Казак», как выше отмечалось, дополняют географию реквизиционной кампании. Так, казахи из Лепсы работали в районе г. Пермь, где 50 человек заболели, затем число заболевших превысило 100 человек, умерли около десяти тыловиков. К 5 января больных было более 300 (!), сообщали Осман Шалгынтаев и Боранбай Тастанбеков (Казак. 1917 от 2 февраля). Корреспонденции поступали от петропавловского муллы Мухди Агысова о реквизированных в Кызылжарском уезде более 700 джигитов, вместе с ним работавших в Витебской губернии (Казак. 1917 от 2 февраля). Были случаи, когда недобросовестные «муллы» не исполняли возложенных на них обязанностей. Так, Жумат Шанин из Павлодара побывал с инспекцией в районе г. Рига, где узнал о положении 500 земляков из Баянаула, Аккелинской, Акбейиттауской, Степной волостей и был удивлен, что среди тыловиков нет грамотных, могущих записать свой адрес, у них нет обратной связи, а выбранный ими «мулла» исчез. Шанин в своей заметке указал адреса инородческих партий, номера отрядов, куда родственники могли написать и отправить необходимые вещи (Казак. 1917 от 2 февраля). Мулла Акимали Каржауов сопровождал актюбинских мобилизованных до г. Вязьма, на месте помог найти дорогу домой отставшим от поезда (Казак. 1917. №209). Из 226-й инородческой партии по настоянию муллы был отправлен домой обессиленный и негодный к работам Шалабай Тасыбай (Казак. 1917. №211). В сопровождении тыловиков в 1-й армии в составе 51-й инородческой партии был преподаватель известной школы Мамания в Копале Семиреченской области Абубакир Мамбетбаев. Он сообщал в редакцию, что в местной больнице скончался Есенбай Канабаев, однако никто не знает, откуда он родом, возможно, из Семипалатинской области. Собрав деньги, казахи-тыловики совершили положенный ритуал похорон (Казак. №220. 1 марта 1917 г.)

К весне 1917 года мулла 8-й дружины Габит Сарыбаев информировал, что с 16 ноября приступили к окопным работам в районе Саратова, однако приезжают нередко лже-посредники, которые, хоть и привозят пачками письма, но еще и собирают деньги «за услугу» с их родных и зарятся на заработки самих тыловиков. Письма, отправленные почтовой связью, не доходят до дому (Казак. 9 февраля 1917 №217). В этом же письме Сарыбаев выразил благодарность представителям Алаш, которые оказали безвозмездную помощь и трудятся по открытию через Земгор, комитеты помощи в Минске и Москве. Другой мулла, Акимали Каржауов, сообщил о кончине казаха из аула №9 Карабайской волости Сады Танбаева на Западном фронте, его он проводил в последний путь по мусульманским обычаям (Казак. 9 февраля 1917 №217). Знакомые с положением тыловиков, А. Букейханов, М. Есполов и Т. Жаманмурунов в газете от 1 марта 1917 года подняли острый вопрос, что не всегда умерших из числа реквизированных казахов хоронят по шариату или вообще хоронят без приглашения мулл. Это происходило из-за незнания лечащими врачами казахского языка. В результате родственникам не сообщалось своевременно о кончине тыловика, так как врачи не располагали сведениями, откуда родом данный пациент (Казак. №220. 1 марта, 1917). Это задевало чувства верующих, страдали родные умершего. Имели место случаи массового заражения, когда умершего от инфекции мулла разместил в мечети, где проживали 1200 здоровых джигитов. Было высказано требование, чтобы рядом с больными в лазаретах обязательно присутствовал кто-либо знающий русский язык (Казак. №220. 1 марта. 1917). Признаки самоуправления наблюдались в отдельных инородческих рабочих партиях, например, у отбывших 14 ноября 1916 года из г. Петропавловска Акмолинской области в район г. Крейцбург Витебской губернии. Из тысячной партии казахов они сами выбрали сотника, переводчика, муллу, повара и забойщика скота. Всех ежедневно осматривает доктор, писали в редакцию Т. Мазгумов, Х. Жалтыров, А. Тастемиров, А. Кудайбергенов (Казак. №221. 9 марта 1917).

Отправка реквизированных казахов на тыловые работы продолжалась и весной 1917 года, когда из Агашакской и Акколтыкской волостей Аулие-Атинского уезда 1043 джигита через станцию Оренбург достигли Бузулука. Об их передвижении сообщал мулла Кайдар Туякбаев (Казак. 17 марта 1917).

Весть о свержении самодержавия была встречена на фронте восторженно. Из г. Казань в редакцию поступила телеграмма с приветствием от Поштаева (Боштаева), Кашкынбаева, Маметова и Моллагазина, инспектировавших положение тыловиков (Казак. №223. 24 марта 1917). Требования вернуть их домой в адрес Временного правительства выставили некоторые инородческие партии рабочих, отдельные тыловики и их родственники, местами наметилась самостоятельная демобилизация – самовольное возвращение тыловиков на родину (НА РУз. Ф. 1. Оп. 31. Д. 1100. Л. 320). В феврале 1917 г. в письме имама муллы Зайнидина Ходжи, адресованном приставу Худоярханову, излагались подробности волнений среди тыловиков в Мозырском уезде Минской губернии: в результате столкновений с местными крестьянами голодным инородцам самим пришлось добывать пищу, многие вынуждены были продать одежду, некоторые умерли от переохлаждения, от голода, другие, как писал мулла эшелона, были съедены волками (НА РУз. Ф. 1. Оп. 31. Д. 1174. Л. 381). Эшелоны с тыловиками теперь направились в обратную сторону, многие шли через Оренбург, чем

воспользовались алашевцы, сопровождавшие земляков. Так, в Семиречье вместе с джигитами вернулся Билал Сулеев, в Актобе – Тел Жаманмурынов ([Қазак. №231. 27 мая 1917](#)).

Начиналась мирная жизнь в обновленных условиях, в ожидании выборов в Учредительное собрание. Не остались в стороне от атмосферы реформ и муллы, которые ощущали потребность в самоорганизации. 23-25 мая 1917 года на станции Акбулак состоялось собрание казахских мулл Тургайской и Уральской областей. На совещании были рассмотрены вопросы религиозного содержания. Председателем был Габдолла Досжанов, докладчик – имам Абдрахман Муртазин. Было решено и впредь собираться и коллективно решать насущные вопросы, касающиеся вероисповедания ([Қазак. №233. 11 июня 1917](#)). Аналогичный съезд мулл прошел в августе 1917 года в г. Кокшетау с той разницей, что на съезде присутствовали учителя. Единогласно решили создать в городе «Білім серіктігі» («Товарищество знания»), от каждой волости избрать представителя, членский взнос – 15 рублей, в каждом ауле открыть 4-годичные школы, средства от благотворительности сосредоточить в уездном центре. Обязать с четырехлетнего возраста обучать мальчиков и девочек. К медресе и мечети г. Кокчетав назначить ответственного. Об этих новостях сообщил Абушахма Бокаев ([Қазак. №243. 1917. 14 сентября](#)). Источники сообщают о съезде мулл и в Уральской области, на ярмарке в Жымпиты в сентябре 1917 года. На ней присутствовало около 500 мулл ([Қазак. №246. 21 октября 1917](#)). Иными словами, после событий февраля-марта 1917 года в казахском сообществе проявилась тенденция к внутренней самоорганизации. Съезды мулл были одним из проявлений осмысленного подхода к самоуправлению. В условиях растерянности колониальной администрации «низы» уверовали в свои возможности.

Оба вектора («военно-полевые», «походные» казахские муллы, с одной стороны, и муллы, старшие по возрасту и статусу, которые отправляли свои обязанности на местах в Степном крае, Уральской области, с другой) в новых условиях отречения императора и временного безвластия активизировались. Прошедшие фронтовую закалку, «выборные» муллы почувствовали силу воздействия словом на растерянных прихожан. Давно ожидавшие определения своего статуса (в отсутствие подотчетности духовному собранию) муллы на местах приободрились и стали убеждать общество в своей компетентности и влиянии. Умение собирать форумы, съезды и принимать конкретные решения использовано было членами партии Алаш в декабре того же 1917 года в ходе выборов депутатов в Учредительное собрание.

5. Заключение

Таким образом, несмотря на то что официально казахи не принадлежали (на момент начала Первой мировой войны) к определенному муфтияту, общий шок от реквизиции в 1916 году вызвал у казахского населения Туркестанского и Степного краев острую потребность обращения к духовной поддержке. «Демонизация» роли панисламизма среди туркестанских мусульман, возбуждаемая в имперской прессе и высших кругах, фактами не подтверждается. Джихад как таковой отсутствовал в обозначенном социуме как инструмент решения споров и не был применен в ходе столкновений и волнений вследствие реквизиционной кампании 1916 года в Семиречье и Степном крае. Муллы, находившиеся при «тыловиках» из инородческих партий в действующей имперской армии, о джихаде не упоминали и его не пропагандировали. В рядах казахских инородцев-тыловиков и находившихся рядом с ними мулл преобладали пацифистские настроения. «Выборные» муллы, легитимность которых отстаивали мусульманские депутаты Думы, обозначили совершенно новую для себя функцию, а именно служить коммуникационным мостом между тыловиками и их родственниками посредством полевой почты и выходившей с 1913 года оренбургской газеты «Қазак». Данная миссия способствовала выработке механизма коллективного управления, точнее самоуправления и информирования в неординарных условиях, хотя цензура военного времени ограничивала их возможности донести правдивую информацию в полном объеме. Безусловно, наличие «выборных» мулл свидетельствовало о наличии потребности и навыков практического ислама у казахов. Из рядов «походных» мулл не вышел выдающийся лидер, который бы выдвинул программу действий по изменению положения вещей. Потенциальным мотиватором политических реформ стала партия Алаш, которая применили опыт духовной мотивации бойцов позднее, при формировании военизированных отрядов Алашской милиции и самообороны.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования РК «Жетысуйские деятели движения Алаш: деятельность, судьбы, наследие» (AP 14872226).

Литература

[АВПРИ](#) – Архив внешней политики Российской империи.

[Алихан, 1911](#) – Алихан. По поводу Устава воинской повинности // *В мире мусульманства*. 23 декабря 1911 г. № 36.

- Васильев, 1939** – *Васильев Н.* Транспорт России в войне 1914-1918 гг. Москва: Госвоениздат НКО, 1939. 250 с.
- Восстание..., 1960** – Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: сборник документов. Сост. А. Пястковский, Т. Елеуов, А. Зима. М.: Издательство АН СССР, 1960. 795 с.
- Выборы..., 2008** – Выборы в I-IV Государственные Думы Российской империи. Материалы и документы. Под ред. А.Иванченко. М., 2008. 860 с.
- ГААР** – Государственный архив Азербайджанской Республики, Баку.
- Гатауллина, 2008** – *Гатауллина Л.Р.* Татарская пресса 1914–1915 гг. об отношении российских мусульман к Первой мировой войне // *Ученые записки Казанского государственного университета.* 2008. № 150 (1). С. 133-139.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- ГА ЮКО** – Государственный архив Южно-Казахстанской области.
- ГИА ОО** – Государственный исторический архив Омской области.
- Жетысу энциклопедия, 2004** – Жетысу энциклопедия. Алматы: Арыс, 2004. 712 с.
- Жусип, Маслов, 2021** – *Жусип С.А., Маслов Х.Б.* Исторические аспекты участия казахов в Первой мировой войне // *Edu.e-history.* 2021. № 3 (27). С. 104-116.
- Известия Комитета..., 1917** – *Известия Комитета Западного фронта Всероссийского Земского Союза.* № 3-4. 1-31 мая 1917 г. Минск: Электротипография Гринבלата, 1917. 90 с.
- Казак, 1916–1918** – *Қазақ.* 1916–1918.
- Ковалев, 1957** – *Ковалев П. А.* Тыловые рабочие Туркестана в годы Первой мировой войны (1916 - май 1917 гг.). Ташкент: Госиздат УзбССР, 1957. 187 с.
- Котюкова, 2008** – *Котюкова Т.В.* Туркестанское направление думской политики России (1905–1917 гг.). М. [Б.и.] 2008. 202 с.
- Котюкова, 2011** – *Котюкова Т.* «Право», которого не стало: Политическая дискуссия о туркестанском представительстве в Государственной думе / Сб. «Центральная Азия. Традиция и современность». М., 2011. С. 20-42.
- Леонтьева, 2014** – *Леонтьева Т.Г.* Православное духовенство в годы Первой мировой войны // *Россия вчера, сегодня, завтра.* 2014. №2 (83). С. 104-119.
- Некрасов-Клиодт, 1926** – *Некрасов-Клиодт В.* Реквизиция киргиз на тыловые работы в 1916 году. Кызыл-Орда: Издание Общества изучения Казахстана, 1926. 74 с.
- НИАБ** – Национальный Исторический архив Беларуси, Минск.
- Подпрятков, 2013** – *Подпрятков Н.* Этнические строительные отряды русской армии на фронтах первой мировой войны // *Власть.* 2013. № 10. С. 160-164.
- Раздыкова, 2007** – *Раздыкова Г. М.* Народный ислам у казахов во второй половине XIX - начале XX веков // *Омский научный вестник.* 2007. №4 (58). С. 26-28.
- РГАСПИ** – Российский государственный архив социально-политической истории.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Терентьев, 1906** – *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. СПб.: Типолитография В. Комарова, 1906. Т. III. 528 с.
- Трутко, 1939** – *Трутко И.* Подготовка тыла Юго-Западного фронта (1914 г.) // *Военно-исторический журнал.* 1939. № 3. С. 92-113.
- Хабутдинов, 2001** – *Хабутдинов А.Ю.* Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII - начале XX вв. Казань, 2001. 383с.
- Хабутдинов, Имашева, 2020** – *Хабутдинов А., Имашева М.* Лидеры мусульманского движения российской империи об основных политических вопросах начала XX века // *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus.* 2020. Т. 16. № 4. С. 969-981.
- Холквист, 1999** – *Холквист П.* Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914-1921) в европейском контексте / *Россия и Первая мировая война.* СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 83-101.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Шерстюков, 2015** – *Шерстюков С. А.* Джихад «Made in Germany»: Первая мировая война и споры об исламе // *Вестник Томского государственного университета.* 2015. № 401. С. 207-215.
- Энциклопедический..., 1890** – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890.
- Brower, 1996** – *Brower D.* Kyrgyz Nomads and Russian Pioneers: Colonization and Ethnic Conflict in the Turkestan Revolt of 1916 // *Jahr-bücher für Geschichte Osteuropas.* 1996. Nr. 44 (1). P. 41-53.
- Sokol, 1954** – *Sokol E.* The Revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimore, 1954.
- Pierce, 1960** – *Pierce R.* Russian Central Asia, 1867-1917. Berkeley, 1960.
- Zürcher, 2016** – *Zürcher, E.-J.* Jihad and Islam in World War I: Studies on the Ottoman Jihad. Leiden University Press, 2016. 489 p.

References

- Alikhan, 1911** – *Alikhan* (1911). Po povodu Ustava voinskoj povinnosti [About the Military service Regulations]. *V mire musul'manstva*. 23 Dec. Nr. 36. [in Russian]
- AVPRI** – Arkhiv vneshnei politiki Rossijskoj imperii [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire].
- Brower, 1996** – *Brower, D.* (1996). Kyrgyz Nomads and Russian Pioneers: Colonization and Ethnic Conflict in the Turkestan Revolt of 1916. *Jahr-bücher für Geschichte Osteuropas*. 44(1): 41-53.
- Entsiklopedicheskii slovar'..., 1890** – *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona*: v 86 t. (82 t. i 4 dop.) [Brockhaus and Efron's encyclopedia: in 86 volumes (82 volumes and 4 appendices)]. SPb., 1890. [in Russian]
- GAAR** – Gosudarstvennyi arkhiv Azerbajdzhanskoj Respubliki, Baku [State Archive of the Republic of Azerbaijan].
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossijskoj Federatsii [The State Archive of the Russian Federation].
- Gataullina, 2008** – *Gataullina, L.R.* (2008). Tatarskaya pressa 1914–1915 gg. ob otnoshenii rossijskikh musul'man k Pervoi mirovoj vojne [The Tatar press of 1914-1915 on the attitude of Russian Muslims to the First World War]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 150(1): 133-139. [in Russian]
- GA YUKO** – Gosudarstvennyi arkhiv Yuzhno-Kazakhstanskoj oblasti [The State Archive of the South Kazakhstan region].
- GIA OO** – Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Omskoj oblasti [The State Historical Archive of the Omsk region].
- Izvestiya..., 1917** – *Izvestiya Komiteta Zapadnogo fronta Vserossijskogo Zemskogo Soyuza*. Nr. 3-4. 1-31 May 1917. [News of the Committee of the Western Front of the All-Russian Zemstvo Union]. Minsk, 1917. 90 p. [in Russian]
- Kazak, 1916–1918** – *Kazaq*. 1916–1918 [“Kazakh” newspaper]. [in Kazakh]
- Khabutdinov, 2001** – *Khabutdinov, A.Yu.* (2001). Formirovanie natsii i osnovnye napravleniya razvitiya tatarskogo obshchestva v kontse XVIII – nachale XX vv. [Formation of the nation and the main directions of development of the Tatar society in the late XVIII – early XX centuries]. Kazan, 383 p. [in Russian]
- Khabutdinov, Imasheva, 2020** – *Khabutdinov, A., Imasheva, M.* (2020). Leaders of the Muslim movement of the Russian Empire on the main political issues of the early twentieth century [The leaders of the Muslim movement of the Russian Empire on the main political issues of the early twentieth century]. *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*. 16(4): 969-981. [in Russian]
- Kholkvist, 1999** – *Kholkvist, P.* (1999). Total'naya mobilizatsiya i politika naseleniya: rossijskaya katastrofa (1914-1921) v evropejskom kontekste [Total mobilization and population policy: the Russian Catastrophe (1914-1921) in a European context]. *Rossiya i Pervaya mirovaya vojna*. SPb.: Dmitrii Bulanin. Pp. 83-101. [in Russian]
- Kotyukova, 2008** – *Kotyukova, T.V.* (2008). Turkestanskoe napravlenie dumskoj politiki Rossii (1905–1917 gg.) [Turkestan direction of the Duma policy of Russia (1905-1917)] M., 202 p. [in Russian]
- Kotyukova, 2011** – *Kotyukova, T.* (2011). «Pravo», kotorogo ne stalo: Politicheskaya diskussiya o turkestanskom predstavitel'stve v Gosudarstvennoj dume [The "right" that has disappeared: Political discussion on the Turkestan representation in the State Duma]. Sb. «Tsentral'naya Aziya. Traditsiya i sovremennost'». Pp. 20 – 42. [in Russian]
- Kovalev, 1957** – *Kovalev, P.A.* (1957). Tylovyje rabochie Turkestana v gody Pervoi mirovoj vojny (1916-mai 1917 gg.) [Rear workers of Turkestan during the First World War (1916-May 1917)]. Tashkent, 187 p. [in Russian]
- Leont'eva, 2014** – *Leont'eva, T. G.* (2014). Pravoslavnoe dukhovenstvo v gody Pervoi mirovoj vojny [Orthodox clergy during the First World War]. *Rossiya vchera, segodnya, zavtra*. 2(83): 104-119. [in Russian]
- Nekrasov-Kliodt, 1926** – *Nekrasov-Kliodt, V.* (1926). Rekvizitsiya kirgiz na tylovyje raboty v 1916 godu [Requisition of Kirghiz for logistical work in 1916]. Kyzyl-Orda, 74 p. [in Russian]
- NIAB** – Natsional'nyi Istoricheskii arkhiv Belarusi [National Historical Archive of Belarus], Minsk.
- Pierce, 1960** – *Pierce, R.* (1960). Russian Central Asia, 1867-1917. Berkeley.
- Podpryatov, 2013** – *Podpryatov, N.* (2013). Etnicheskie stroitel'nye otryady russkoj armii na frontakh pervoi mirovoj vojny [Ethnic construction detachments of the Russian army on the fronts of the First World War]. *Power*. 10: 160-164. [in Russian]
- Razdykova, 2007** – *Razdykova, G.M.* (2007). Narodnyi islam u kazakhov vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov [Folk Islam among the Kazakhs in the second half of the XIX - early XX centuries]. *Omskii nauchnyi vestnik*. 4(58): 26-28. [in Russian]
- RGASPI** – Rossijskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [The Russian State Archive of Socio-Political History].
- RGVIA** – Rossijskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [The Russian State Military Historical Archive].

- [Sherstyukov, 2015](#) – *Sherstyukov, S.A.* (2015). Dzhikhad «Made in Germany»: Pervaya mirovaya voina i spory ob islame [Jihad "Made in Germany": The First World War and the debate about Islam]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 401: 207-215 [in Russian]
- [Sokol, 1954](#) – *Sokol, E.* (1954). The Revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimore.
- [Terent'ev, 1906](#) – *Terent'ev, M.A.* (1906). Istoriya zavoevaniya Srednei Azii [The history of the conquest of Central Asia]. St. Petersburg. Vol. III. 528 p. [in Russian]
- [Trutko, 1939](#) – *Trutko, I.* (1939). Podgotovka tyła Yugo-Zapadnogo fronta (1914 g.) [Preparation of the rear of the Southwestern Front (1914)]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 3: 92-113. [in Russian]
- [TsGA RK](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- [Vasil'ev, 1939](#) – *Vasil'ev, N.* (1939). Transport Rossii v voine 1914-1918 gg. [Transport of Russia in the war of 1914-1918] М., 250 p. [in Russian]
- [Vosstanie..., 1960](#) – Vosstanie 1916 goda v Srednei Azii i Kazakhstane: sbornik dokumentov [The Uprising of 1916 in Central Asia and Kazakhstan: a collection of documents. Comp. A. Pyatkovsky, T.Eleuov, A. Winter. М., 1960. 795 p. [in Russian]
- [Vybory..., 2008](#) – Vybory v I-IV Gosudarstvennye Dumy Rossiiskoi imperii. Materialy i dokumenty [Elections to the I-IV State Duma of the Russian Empire]. Ed. A. Ivanchenko. М., 2008. 860 p. [in Russian]
- [Zhetysu entsiklopediya, 2004](#) – Zhetysu entsiklopediya [Zhetysu encyclopedia]. Almaty, 2004. 712 p. [in Kazakh]
- [Zhusip, Maslov, 2021](#) – *Zhusip, S.A., Maslov, Kh.B.* (2021). Istoricheskie aspekty uchastiya kazakhov v Pervoi mirovoi voine [Historical aspects of the Kazakhs' participation in the First World War]. *Edu.e-history*. 3(27): 104-116. [in Russian]
- [Zürcher, 2016](#) – *Zürcher, E.-J.* (2016). Jihad and Islam in World War I: Studies on the Ottoman Jihad. Leiden University Press, 489 p.

Пацифизм и война: миссия мулл среди реквизированных казахов, 1916–1917

Гюльнар Кайроллиновна Муканова ^{a, *}, Шамек Баянович Тлеубаев ^a,
Арайлым Нурболатовна Конкабаева ^a

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В начале XX века казахи Российской империи идентифицировали себя как мусульмане. В официальных документах казахи записывались как «киргизы магометанского вероисповедания». Специфика кочевого общества заключалась в соблюдении норм шариата при отсутствии стационарных зданий мечетей, и выходом из ситуации было наличие мулл при одном (чаще нескольких) аулах. То есть одной из востребованных социальных категорий в казахском социуме были муллы – лица, организующие пятикратные коллективные молитвы, чтение аятов и сур Корана по разным поводам, а также необходимые ритуалы (бракосочетаний, похорон и др.). Муллы могли участвовать в боевых походах, вдохновляя воинов, созывая их на намаз, при необходимости исполняя обряды захоронения. Безусловно, такая деятельность «походных» мулл сплачивала ряды ополчения, настраивала на стойкое поведение и дисциплинировала их моральные устои. В условиях внешних вызовов, в период реквизиции инородцев в 1916–1917 годах, казахи Туркестанского края официально направлялись на тыловые работы в сопровождении мулл. В мобилизации казахов Степного края имели место определенные особенности: для направления мулл потребовалось вмешательство депутатов Думы и интеллигенции Алаш. Миссия мулл была пацифистской. Как владевшие грамотой, они писали письма родным реквизированных казахов и передавали информацию в редакцию казахской газеты («Қазақ»), выполняли обряды захоронения при необходимости. Исследование темы немаловажно для реконструкции социальных аспектов реквизиционной кампании 1916 года и ее последствий, равно как и для выявления трендов самоуправления и идентичности казахов в условиях вызовов.

Ключевые слова: Первая мировая война, Туркестан, Степной край, реквизиция, казахи, муллы, Государственная Дума, депутаты.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gulnar_mukanova@mail.ru (Г.Л. Муканова),
Shamek_09@mail.ru (Ш.Б. Тлеубаев), konkabayeva.arailym@mail.ru (А.Н. Конкабаева)